

ДОЗОРНАЯ КНИГА ТАРСКОГО УЕЗДА 1701 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

М.Л. Бережнова*, Н.В. Кабакова**, С.Н. Корусенко***

Анализируется на предмет достоверности, репрезентативности и информативности Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., которая является ценным источником по истории, хозяйству и отдельным сторонам культуры — поселениям, соционормативным явлениям, антропонимии, этнической истории тюркского и славянского населения Среднего Прииртышья.

Дозорные книги, Тара, служилые, крестьяне, татары.

Изучение истории в целом и этнографии в частности невозможно без всестороннего анализа письменных источников. К подобным материалам, охватывающим широчайший спектр разнообразных вопросов — исторической демографии, социально-экономической и этносоциальной истории, ономастики и др., относятся дозорные книги, составлявшиеся в Российском государстве в XVII — начале XVIII в. Производились такие описания с целью фиксации населения, земель, наложенных обязанностей и выплачиваемых оброков и т.п. В данной статье будет рассматриваться один из таких (до сих пор не опубликованных) документов — Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., включавшего территорию современных северных районов Омской области. Анализ этого источника позволит расширить понимание многих процессов становления данного региона, активно осваивавшегося на протяжении XVII–XVIII вв. Российским государством.

Н.Н. Оглоблин указывал, что в Сибирском приказе хранились 54 дозорные книги по разным сибирским уездам, самые ранние из которых относились к 1623 г., самые поздние — к 1710 г., из них по Тарскому уезду — 4 книги [Оглоблин, 1895, с. 67]. Перечислив в своем труде данные источники, этот автор дал их общую характеристику. Другие исследователи, стремясь установить, в каких условиях появлялись дозорные книги, нередко подчеркивали, что составители таких документов сами не мерили и не межевали земли, а опирались на разного рода сведения, предоставляемые им землевладельцами, но связано это было не со злоупотреблениями, а с той поспешностью, с которой осуществлялся дозор [Веселовский, 1916, с. 174; Меерзон, 1956, с. 9]. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, дозорные книги имели характер временного мероприятия, составлялись наскоро, часто местной администрацией, с целью устранить несоответствие между размером оклада и платежными силами местности [1890, с. 189], что также означает: реального «дозора» не происходило, ведь самыми важными считались финансовые задачи. В то же время термин «дозор» и его синонимы в словарях русского языка употребляются в значении «проверки всякого рода», «обхода для осмотра» [Даль, 2004, с. 454]. Очевидно, что дозорщики были обязаны лично проверять положение дел на месте, изучать все имеющиеся документы, осматривать земли, т.е. «дозорить». Содержится в этом термине и некий военный оттенок («быть в дозоре» — нести военную службу), что накладывает ощущение оперативности, поспешности в нестабильной ситуации. Видимо, поэтому дозорные книги вообще, в том числе Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., воспринимаются как документы, составлявшиеся в каких-либо сложных условиях. Однако, располагая сведениями о достаточно стабильной ситуации в Сибири в самом начале XVIII в. (отсутствие военных действий, природных катаклизмов), можно говорить о том, что главным поводом для проведения дозора 1701 г. на Таре было стремление пополнить государеву казну посредством увеличения налогов с местного населения. Для этого требовалось, что подтверждается и текстом самого документа, уточнить материалы предыдущего описания Тарского уезда, произведенного Львом Поскочиним в 1684 г., и осуществить в случае необходимости суд в земельных спорах.

О.Н. Вилков, изучая тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в., пришел к выводу, что подобные документы Сибирского приказа как по своему значению, так и по содержанию идентичны аналогичным материалам Европейской части Российского государства. В то же время, на взгляд автора, дозорные описания в Сибири преследовали диаметрально противо-

положные цели: если в целом по стране, подвергавшейся разорению, военным набегам, стихийным бедствиям, тяглое население получало послабления, то в Зауралье, относительно благополучной и стабильной местности, напротив, присутствовало стремление усилить податные поступления за счет включения в обложение все новых социальных категорий [Вилков, 1975, с. 4–13].

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., хранящаяся в фонде 214 Сибирского приказа в комплексе писцовых, дозорных и переписных книг РГАДА, является массовым источником, включающим ординарные материалы исторического периода конца XVII — начала XVIII в., однотипные однородные данные с количественными и качественными характеристиками [Литвак, 1979, с. 7–8]. Год проведения дозора и составления Дозорной книги Тарского уезда — 1701 — подтверждается многочисленными упоминаниями внутри самого документа: «в нынешнем 1701 году». Появился же данный документ в соответствии с указом Петра Алексеевича от 4 января 1698 г., в котором было дано распоряжение дворянину московскому Ивану Родионовичу Качанову¹ в Сибири Тобольского разряда на Таре и в уездах Великого Государя переписать земли, живущих на них, после чего определить размеры налогов. Известен еще один документ того же времени, проясняющий необходимость осуществления Тарского дозора. Это царская грамота от 27 апреля 1699 г. Верхотурскому воеводе Козме Козлову о народной переписи по данному уезду, которая гласит, что в 1698 г. на Верхотурье был послан дворянин Иван Качанов для переписи людей всякого рода, поскольку в 1691 г. «...учинилось в Поморских и в иных Руских многих городах и уездах хлебу недород, и из тех городов и уездов многие крестьяня, оставя свои жеребья и тягла, с женами и детьми сошли в Сибирские города, и в тех городах и в слободах и в деревнях многих поселились на заимках и к прежним крестьяном пристали, и захватя многие земли владеют, а нам Великому Государю никаких доходов не платят, а приказчики, для своей бездельной корысти, им молчали и в городах воеводам не извещали...» [Акты исторические..., 1842, с. 525]. Сложившаяся ситуация приводила также к несоответствию с переписью, осуществленной ранее Львом Поскочиным, присланным из Москвы в Сибирь в 1680 г. «для описания Тобольска и уездов Тобольского разряда с целью проверки правильности землевладения и обложения земель десятинной пашней, оброчным хлебом и денежным оброком, а также для увеличения где следует того или иного вида подати» [Оглоблин, 1895, с. 53]. Спустя время потребовалось уточнить сведения по западно-сибирским уездам и разузнать, сколько именно пришлых людей в слободах и деревнях, сколько они платят в казну денег и хлеба либо пашут десятинной пашни, а также разобрать наказы служилых людей, чтобы упорядочить их хлебное жалование. Так московский дворянин И.Р. Качанов стал составителем нескольких дозорных книг на территории уездов Тобольского разряда в 1700–1701 гг., в том числе Тарского.

Преамбула Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. содержит существенную информацию, позволяющую определить как специфику деятельности дозорщика, так и круг вопросов, на которые он в ходе дозора должен был получить ответы. Открывается книга передачей царского наказа Петра Алексеевича от 4 января 1698 г., в котором дано повеление дворянину Ивану Родионовичу Качанову «...в Сибири Тобольского разряда на Таре и в уездах Великого Государя волости, слободы, села, деревни, митрополичьи, монастырские и церковные [владения], и у детей боярских, служилых людей, пашенных и оброчных крестьян, бобылей, захребетников, татар и у всяких чинов людей описать земли...» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, л. 1], перечислить людей, живущих на данной территории, указав, как давно они пришли в Сибирь, сколько пашут десятинной пашни, платят различных оброков, после чего «в соответствии с пожитками» их тяготы увеличить. Далее в преамбуле представлено описание собственно деятельности И.Р. Качанова, составившего перечень жителей Тарского уезда с их владениями и повинностями и установившего новые размеры десятинной пашни и оброков. При этом мотивирует такую свою деятельность сам И.Р. Качанов тем, что власть недополучает налоги с местного населения, самовольно сокращавшего установленные оброки, подкупавшего чиновников или попросту избегавшего подобных тягот: «...платят в казну Великого Государя с пахот своих выдельного хлеба всяких чинов люди малое число, а иные и не платят, и то знатно, что подкупая выдельщиков, дают им с купы. И от того их малого платежа и нерадением выдельщиков в казну Великого Государя пятинного хлеба бывает в сборе малое число...» [Там же, л. 2–2 об.]. Указывает переписчик и на то, что «приисканы» пришлые люди и захребетники, у которых «най-

¹ Информация об И.Р. Качанове содержится: [Алфавитный указатель фамилий..., М., 1853, с. 178; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 176, л. 187 об.; оп. 2, д. 55, л. 175 об.].

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья

дены» пахоты, сенные покосы, мельницы, кузницы, ясачные земли, которые теперь зафиксированы и на них наложены необходимые оброки. Наконец, в преамбуле упоминаются приправочные книги, присланные на Тару к переписному делу из приказного двора, содержащие перечни денежных оброков за владение ясачными людьми пашенных земель, сенных покосов и иных угодий, которые должны были стать справочным материалом для составителя нового дозора.

В целом преамбула позволяет говорить о характере деятельности составителя Дозорной книги Тарского уезда как об описании, поскольку и в тексте царского указа, и в отчете самого И.Р. Качанова используются исключительно глаголы «описать», «переписать», а о «дозоре», «дозировании», т.е. собственно осмотре владений речи не идет.

Основными объектами Дозорной книги Тарского уезда являются собственно город Тара и уезд, прилегающий к нему. В источнике четко выделяются четыре блока информации — описание города, русских слобод и деревень, приведенных по географическому принципу, владений Спасского монастыря, а также татарских населенных пунктов. Завершается документ подведением итогов дозора.

Обрисовке самого города И.Р. Качанов отводит немного места, начиная с упоминания особенностей ландшафта: *«Город Тара на горе над речкой Аркаркой, вверх по Иртышу реке, на правой стороне от реки Иртыша в трех десятинах. Речка Аркарка с западной стороны обошла кругом той горы, после — на запад же, а с запада пала та речка на встрию в Иртыш реку»* [Там же, л. 4]. Далее следует перечень укреплений, церквей и часовен, административных и военных сооружений. Здесь же И.Р. Качанов впервые упоминает писцовые книги Льва Поскочина, называя год их составления — 1684, подчеркивая, что «скотский выпуск всяких чинов жителей... нынешнего 1701 г. ... сходен» с тем, что был представлен в переписи ранее [Там же, л. 5]. После этого автор приступает к подробному перечислению людей, живущих в городе, — ружников, детей боярских, литовского списка, черкасской сотни и конных казаков, стрельцов и пеших казаков, пушкарей, казачьих, стрелецких детей и отставных служилых людей с указанием их имуществ и податей. Затем фиксируются «прибавления» денежного оброка, наложенные по сравнению с приправочными окладными книгами на посадских людей; вновь «приисканые захребетники», ранее не платившие тягла, а ныне переведенные в бобыли на денежный оброк; лавки, кузницы, кожевенные промыслы, мельницы, бредники и неводы — как старые, так и недавно появившиеся.

Вторая часть Дозорной книги — опись русских слобод и деревень: деревни по реке Оше (с. Спасское или Ложниково и 14 деревень), деревни от города вверх по Иртышу реке (14 деревень), 3 слободы уезда (Биргамацкая, Татьмыцкая и Аевская), деревни вниз по Иртышу (с. Изюцкое и 14 деревень). Обязательным в источнике является и указание, рядом с какой рекой или озером находится селение, а при описании слобод даются подробные географические ориентиры, перечислены имеющиеся строения и церкви, указан и год «заведения». Исключение составляет лишь Аевская слобода, поскольку *«в котором году та слобода заведена строити, того не ведомо, потому что крестьяне не знают, а слободчик в прошлых годах умер, и о строении наказной памяти у переписного дела крестьяне не явили»* [Там же, л. 267].

Важная часть содержания Дозорной книги — информация о жителях уезда, включающая описание дворов и тяглых, и беломестных, что подтверждает фискальные цели властей при составлении данного документа, поскольку наиболее значимой для чиновников становилась информация не только о реальных, но и о потенциальных налогоплательщиках. Вместе с тем, несмотря на то что книга дает возможность получить некоторые сведения демографического порядка, по ней нельзя точно судить о количественном составе жителей, поскольку приводятся данные о мужском населении.

Описание двора начиналось с указания служебного положения лиц служилого сословия (беломестный казак, литовской сотни казак, черкасской сотни казак, конный казак, пеший казак, стрелец, сотник и пр.) и духовного звания (дьячок, пономарь). Завершали же общий список жителей русских населенных пунктов крестьяне. Далее следовали имя, отчество, фамилия или прозвище дворовладельца. Антропонимические данные, представленные текстом Дозорной книги, свидетельствуют о процессе становления именного и фамильного состава на территории Тарского уезда в конце XVII — начале XVIII в. Например, об этом говорит вариативность употреблявшихся имен (Абросимко — Обросимко, Кузьма — Козьма, Коземко — Куземко и пр.), фамилий и прозвищ (Пелымской — Пелымсков, Десятой — Десятого и пр.). Не рассматривая далее данный вопрос, отметим, что изучение антропонимии Дозорной книги Тарского уезда —

тема отдельного исследования, поскольку источник предоставляет для этого богатейшие материалы.

Переписчик также фиксировал, откуда родом глава семьи — «Тарского города» (либо «тарчанин», «с Тары»), «Биргамацкой слободы», «города Тюмени», «города Тобольска», «суздалец», «кунгурец», «свяженин» и пр.; либо откуда пришел — «пришлый из русских городов», «с Москвы», «из сибирских городов», «из поморских городов» и пр. Из документа мы узнаём, кем был отец главы семьи, поскольку непременно ссылка на это: «боярский сын», «казачий сын», «стрелецкий сын», «попов сын», «ямщичий сын», «ясачного отца дети» и т.д.

Формуляр описания двора предполагал перечисление всех его представителей мужского пола, независимо от отношения к тяглу: сыновей главы семьи с указанием возраста либо их занятия («в детях боярских», «в пеших казаках», «в конных казаках»); захребетников, дворовых людей («дворовый человек калмыцкой породы»).

Переписчик называл владения каждого дворовладельца: наличие и количество скота — лошадей, рогатого, овец; обрисовывал земельные угодья с определением их количества в десятинах; сенных покосов, чаще всего располагавшихся «около поля», указывая их размеры в копнах². В случае необходимости следовало подробное описание местонахождения владений с указанием географических ориентиров — рек, озер, болот, буераков, межей соседских владений, специальных граней (в виде крестов, ям или отметин на деревьях) и пр. Важное значение приобретала характеристика качества земли — пашни паханые, заимка, заложная и выпашанная земля, лесом порослая земля, непаханные земли, болотные места, пустоши, поскотинная земля (резерв для расширения пашен и сенных покосов), иногда — промысловые угодья («зверинные ловли»). В Дозорной книге упоминались различные приемы хлебопашества: «наезд», перелог и трехполье.

На протяжении XVII в. с каждым десятилетием все более значимую роль среди сибирского населения, наряду со служилыми, играло крестьянство. Именно на него возлагалась ответственность за обработку государственных земель, что позволяло властям получать хлеб для обеспечения собственных нужд. Помимо обработки десятинной государевой пашни, сибирское крестьянское несло еще один вид тягла — хлебный оброк. Земля принадлежала государству, но крестьяне получали ее отводом или по подписной челобитной, могли передавать вместе с тяглом, а также заниматься куплей-продажей (по закладным). Дозорная книга выделяет в крестьянской пашне две части — казенную и собинную. Конечно, крестьяне стремились увеличить свои земельные владения, хотя возможности такие постепенно иссякали, в частности, из-за роста населения, прибытия новых жителей из-за Урала. Да и государство периодически «пересматривало» земельные владения, устанавливая «прибавочные» пашни и налагая за них на крестьян новые оклады. Подобные переписи, как уже отмечалось ранее, происходили неоднократно. К ним относится и работа, которую выполнял Лев Поскочин в 80-е гг. XVII в.: в Сибири «досмотреть, сметить и переписать всякого человека порознь», так как в Сибирском приказе стало известно, что сибирские крестьяне пашут десятинную пашню «не против указу, а иные и не пашут, живут на льготе» [Шунков, 1946, с. 179–180]. В целом десятинная пашня и в начале XVIII в. по-прежнему оставалась основой тягла сибирского крестьянства, несмотря на то что в Московском государстве происходил процесс перевода крестьян на выплату оброчного хлеба. Об этом свидетельствуют материалы, представленные И.Р. Качановым в Дозорной книге Тарского уезда: в случае обнаружения «лишки» собинной пашни на крестьян налагалась дополнительная государева запашка, которую они должны были теперь дополнительно обрабатывать.

Третья часть Дозорной книги перечисляет церковные владения Спасского монастыря. Она содержит указания на пашенные и залежные земли, сенные покосы, рыбные ловли и мельницы, расположенные у Петрова озера, по рекам Изюку и Оше, принадлежавшие монастырю, полученные им в определенное время от различных людей и по разным же документам — вкладным, купчим, подписным челобитным и др. Названы крестьяне, живущие на монастырской земле и обрабатывавшие ее, платившие «выдельной хлеб» монастырю, описаны их владения. Отмечено, с какого времени и по каким крепостям каждый из них находится в монастыре.

Следующая часть документа — перечень населенных пунктов, где проживали служилые, захребетные и ясачные татары и казанцы. Всего таких селений 52, названы они следующим образом: деревня или деревня ... юрт (например, *деревня Темшенякова над рекой Иртышом*

² Одна копна соответствовала 0,1 десятины, т.е. с одной десятины снимали 10 копен сена.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья

или *деревня Аиткуловых юрт над рекой Иртышом*). Часть поселений относится к определенным волостям, для части волости не указаны, в основном для поселений, заселенных служилыми и захребетными татарами. Большинство волостей небольшие по количеству деревень. В данной книге указаны следующие волости: Аялынская, Коурдацкая, Кулларская, Отуская, Тебендинская. Сначала описываются деревни, расположенные от г. Тары вверх по рекам Иртышу и Таре, затем — поселения, расположенные по р. Оше, далее — поселения вниз по Иртышу. Имея в подобных селениях общую пашню, ясачные должны были нести повинности и платить государев ясак. Чаще всего право подобной собственности в Дозорной книге фиксируется на основании давности такого землевладения: «владеют тою землею исстари». Эта старина могла подкрепляться и другими документами — данными, выписями из книг. Ясачные люди приобретали и новые земли. При этом источник свидетельствует, что государство стремилось не ущемлять прав ясачных и требовало при заведении новых русских деревень проводить обыск: «порозжее» ли то место. В то же время это правило могло и нарушаться, особенно если селение возникало в важном военно-стратегическом месте.

Значительную часть содержания Дозорной книги Тарского уезда занимает фиксация имущественных споров, возникавших относительно земельных владений между служилыми, крестьянами и татарами. В таких ситуациях фигурируют документы, на которые ссылаются претенденты на собственность, доказывая право на обладание землей: выписи из писцовых книг Льва Поскочина, приправочные книги, данные, наказные памяти, челобитные, мировые записи, крепости, поступные, закладные, вкладные, отводы, «чертежи» и пр. Участницами таких споров могли быть и женщины, и это единственные, редкие упоминания лиц женского пола, встречающиеся в Дозорной книге. При описании разногласий использовались не только письменные, но и устные свидетельства (к примеру, сказки понятых). И.Р. Качанов, разбирая эти коллизии, подробно излагал суть претензий, возникавших по поводу земельных владений, и, отталкиваясь от представленных доказательств, выносил окончательный вердикт — кому и в каких пределах владеть собственностью, заключая обычно свое решение следующими установками: «...а впредь... не бить челом и убытка не наводить...», «...и впредь мировой записи ничем не порочить и не бить челом и не посягать...». В целом все вышеперечисленные сведения являются ценными замечаниями, позволяющими представить характер и условия землевладения в Сибири.

Завершает книгу итоговая часть, в которой И.Р. Качанов приводит общее количество явившихся «по переписке на Таре и Тарского уезда в селах, деревнях и слободах» разных категорий служилых людей, их братьев, детей и племянников, называет размеры денежных и хлебных окладов, оброков, выплачиваемых за пахоту и владение ясачными землями. Отдельно составитель указывает число жителей посада, пашенных крестьян, бобылей с их тяготами, мельниц, кузниц, лавок, кожевенных промыслов и рыбных ловель и «прибавлениями», происшедшими в результате дозора [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, л. 423–425].

Материалы Дозорной книги Тарского уезда позволяют проследить изменения, которые происходили в социальном положении части сибирского населения. Нередко подобные мероприятия являлись результатом попыток сократить расходы государства на содержание служилых людей (например, запрещение перехода в беломестные казаки [Шунков, 1946, с. 211]). Поэтому источник свидетельствует, например, что выходцев «из беломестных казаков» записывали в крестьяне и бобыли, из пушкарей и затинщиков — в крестьяне и пр.

В Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. упомянуты разнообразные документы, подтверждающие право владения землями, предоставленные переписчику, среди которых — челобитные, купчие, поступные, данные, выписи, отводы, закладные, меновые записи и пр. Но чаще всего в описании встречается формулировка «владеет исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина». В случаях же когда не представлялось возможным подтвердить письменными материалами права на обладание собственностью, указывалось, что землевладение осуществляется «по благословению отца своего», «исстари без крепостей» или «по старожильству без крепостей».

Интересна скупая информация, которая порой проскальзывает в документе и приоткрывает некие обстоятельства тогдашней жизни, позволяющие ярче представить судьбы людей: «в пожарное время сгорели», «от прихода воинских людей», «после смерти отца его», «пришел в малых летах», «пашни не пашет за малыми летами», «жил в холопстве у конного казака...», из холопства освобожден», «вышел из калмыков и крестился в православную веру» и пр.

Важный источник, появившийся для упорядочивания и увеличения налогообложения местного населения, Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. позволяет составить представление о социально-экономическом развитии, государственной политике в налоговой сфере, этносоциальном и демографическом составе населения региона. Дозорная книга содержит важный историко-географический материал: свидетельства о населенных пунктах, довольно точное описание мест их расположения, при этом включает огромное количество давно исчезнувших из употребления топонимов — названий мелких речек, озер, оврагов, урочищ, а значит, данные источника могут быть картографированы. Таким образом, рассмотренный исторический документ раскрывает разнообразные стороны жизни рубежа XVII–XVIII вв. на территории Тарского уезда Тобольской губернии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 55; Оп. 6. Д. 176; Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182.

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. 566 с.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом Отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М.: Тип. С. Селивановского, 1853. 512 с.

Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства: В 2 т. М., 1916. Т. 2. 726 с.

Вилков О.Н. Тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в. // *Археография и источниковедение Сибири*. Новосибирск: Наука, 1975. Вып. 1. С. 4–13.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: АКТ, 2004. Т. 1. 1184 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 560 с.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. 294 с.

Меерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М.: МГИАИ, 1956. 33 с.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768): В 3 т. М., 1895. Т. 1. 429 с.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.

**Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*
berezh@bk.ru

***Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия*
natalya-kabakova@rambler.ru

****Омский филиал ИАЭТ СО РАН*
tomil65@rambler.ru

Subject to examination being the dozor book of 1701 from the Tara uyezd, with the aim of its reliability, representation and information value. The book serves a valuable source on the history, economy, certain cultural aspects, settlements, socionormative phenomena, anthroponymy and ethnic history of the Turkic and Slavic population from the Middle Ishim basin.

Dozor books, Tara, service class, peasants, Tartars.